

ЛЕКЦИЯ 29

А. А. Роменский

ОТ «НОВОГО СОЛОМОНА» К «НОВОМУ КОНСТАНТИНУ»: ЭТАПЫ ЦЕРКОВНОГО ПОЧИТАНИЯ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

Владимир и его современники: кончина и память. Двойственность личности князя-крестителя осознавалась и современниками, и его потомками. Пятнадцатого июля 6523 (1015 г.) киевский правитель умирает в своей загородной резиденции, в селе Берестовом. Летописец описывает детали похорон, вызванные непростой ситуацией нарастающей борьбы за власть, на которую претендовали отказавшийся *от повиновения* отцу Ярослав, «прелюбодейчищъ» Святополк и отцовский любимец Борис, возглавивший дружину для борьбы с печенегами: «Оумре же на Берестовѣмъ . и потаиша и . бѣ бо Стополкъ Къевѣ . ночью же межю [двема] клѣтми проймавше помость . вбертѣвше в коверъ . и оужи съвѣсиша на землю . възложыше и на сани везыше поставиша и въ стѣи Бѣи». Далее, как и следовало ожидать, помещен посмертный панегирик почившему: бояре скорбели о нем как о заступнике «Руской земли», убогие – как о кормителе, «и вложиша и в корсту мороморану .охраниша тѣло юго с плачем блж҃наго кнѧза». По замечанию Анджея Поппэ, помещение саркофагов Владимира и его супруги Анны в центре храма Богородицы Десятинной могло свидетельствовать о подготовке их канонизации. Тем не менее, церковное прославление «апостола в князих» состоялось много позже его земной кончины, а супруга, багрянородная византийская принцесса, заслуги которой в распространении христианства признавались современниками, так и не была удостоена этой чести. В летописной статье 6523 г. замечаем ключевой топоним, звучащий во всех произведениях-энкомиях, посвященных Святому Владимиру: «се есть новѣи Костантинь великого Рима . иже крѣтивсѧ самѣ и люди своѧ . тако и сътвори подобно юму . аще бо бѣ

и прежде на сквернную похоть желая . но послѣже прилежа к покаанью». Впервые с Константином Великим киевского властителя сравнивает Иларион, поместивший похвалу «кагану нашему Влодимероу от него же крещени быхомъ» в своем «Слове о законе и благодати». Та же параллель: Владимир и его бабка, княгиня Ольга – Свв. Равноапостольные Константин и Елена – имеется в другом древнейшем письменном свидетельстве о Владимире, «Памяти и похвале» Иакова Мниха.

Обряд похорон Владимира, описанный в статье Повести временных лет под 1015 г., не имеет аналогов в сообщениях о кончине других князей и создает впечатление того, что его участники не хотели возвращения покойника. Подобные действия совершаются в скандинавских сагах в случае с похоронами мертвецов, могущих навредить своим живым соплеменникам: так, в «Саге о жителях Эйра» Торольва, считавшегося вампиром, после смерти вынесли через пролом в стене. В славянской обрядовой традиции отверстие в потолке служит для облегчения предсмертных страданий колдуна. Поразительно то, что в похоронах князя не участвуют представители духовенства, присутствие которых («певше обычные песни») постоянно фиксируется в случае смерти других князей. Впрочем, о состоянии Русской Церкви и ее иерархах в этот период нет достаточных известий. По логике летописного текста, чрезвычайные меры при похоронах были предприняты для того, чтобы избежать огласки, утаив смерть старого князя от Святополка. «Дружина отня» была на стороне Бориса в надвигающейся межусобице, но он не предпринял решительных действий, приблизив тем самым свой мученический венец.

Парадоксальные обстоятельства смерти подчеркивают неоднозначное отношение к памяти почившего Крестителя Руси среди его соратников и современников. К тому же о христианском периоде жизни Владимира мы знаем удивительно мало, и средневековые книжники предпочли скрыть его биографию после крещения за ширмой агиографических шаблонов и народных сказаний. Последние семнадцать лет княжения «нового Константина» в Повести временных лет обозначены пустующими датами со списком умерших князей и княгинь.

Древнерусские источники явно тенденциозны в освещении деятельности Владимира до и после крещения. Стремясь продемонстрировать еще раз традиционное для агиографии чудо превращения «Савла в Павла», авторы Житий и Начальной летописи не жалеют черных красок для описания пороков князя в язычестве, и, напротив, после крещения отзываются о нем лишь положительно. В то же время, по мнению современника Титмара Мерзебургского, «король Руси» оставался жестоким распутником, даже приняв христианство, которое «не украсил добрыми делами». Хронист

свидетельствует о «венеринном набедреннике», усугублявшем склонность князя к блуду, однако, в согласии с данными древнерусской традиции, не умалчивает о щедрой милостыне, смывшей пятно его греха. Не менее важна сообщаемая Титмаром характеристика политического положения, сложившегося к 1015 г. на Руси. Когда король Руси умер, «исполнен днями» и «в немощной старости», его наследство досталось двум сыновьям (т. е., очевидно, Борису и Ярославу Новгородскому), а третий (Святополк), находившийся в темнице, бежал к тестю, Болеславу Храброму. Епископ Мерзебурга, знавший со слов непосредственных участников событий о борьбе за власть между сыновьями Владимира, предвещает запустение его державы. Интересным представляется и указание на возраст умершего: если выражение «*plenus diegum*» является библейским заимствованием, то фраза о немощной старости противоречит общепринятым представлениям, согласно которым Креститель Руси родился не ранее 955/960 гг.

Владимир и Соломон. В тексте летописной статьи под 6488 (980) г. исторические реалии X в. оказались скрыты под слоем христианской символики. Ученые не раз отмечали контраст в изображении Владимира-язычника и Владимира-христианина на страницах летописи. Сгущая черные краски при описании первого, летописец не скупится на похвалы второму, называя его «новым Константином великаго Рима». Владимир до крещения – братоубийца и ревностный служитель идолов. Сюжет о женолюбии является логическим продолжением рассказа о поставлении кумиров в Киеве и Новгороде, «ибо вымысл идолов – начало блуда, и изобретение их – растление жизни» (Книга Премудрости Соломоновой, 14: 12). Идолослужение уже в Ветхом Завете представляется «началом и концом всякого зла» (Прем. 14: 27); автор летописного текста стремится подтвердить эту истину на примерах из истории Руси. В этом контексте летописная «языческая реформа» неразрывно связана с образом Владимира-блудника. «И нача княжити Володимерь въ Киевѣ единѣ . и постави кумиры на холму . внѣ двора теремнаго . Перуна древана . а главу его сребрену . а оусть златъ . и Хърса Дажьбѣ . и Стрибѣ . и Симарьгла . и Мокошь [и] жраху имь наричюще ꙗ б[ог]ы. [и] привожаху сѣны своя и дѣщери . и жраху бѣсомъ . [и] wskвернаху землю теребами своими . и wskверниса кровьюми земля Руска . и холмо-тъ... и бѣ же Володимерь побѣженъ похотью женскою . и быша ему водимыя . Рогънѣдъ юже посади на Лыбеди . идеже ныне стоитъ сельце Предѣславино . ѿ неже роди . дѣ . сѣны . Изеслава . Мьстислава . Йрослава . Всеволода . а . в . тчери . ѿ Грекинѣ . Стополка . ѿ Чехинѣ . Вышеслава . а ѿ другоѣ . Стослава . и Мьстислава . а ѿ Болгарыни Бориса и Глѣба . а наложьницъ бѣ оу него . т . Вышегородѣ . а . т . в Болгарехъ . а . с . на Берестовѣ . в селци еже зоуютъ ныне Берестовое . и бѣ несѣтъ блуда

привода к собѣ мужьски жены . и двѣцѣ растыла ꙗ . бѣ бо женолюбецъ . ꙗкоже и Соломанъ . бѣ бо рече оу Соломана женѣ . ѿ . а наложницѣ . т . мудръ же бѣ . а наконецъ погиге . се же бѣ невѣголость . а наконецъ вбръте спѣнье».

Рассуждая о «злых» и «добрых» женах, летописец цитирует Книгу притч Соломоновых (Притч. 5: 2–6, 31: 10–31). Известия о женах и наложницах Соломона, возможно, позаимствованы из Хроники Георгия Амартола. Образы двух женолюбцев при всем их сходстве противостоят друг другу. Ветхозаветный царь прославился своей мудростью, но «погибе», «сей же неведгас», но «обрете спасенье». Владимир снова следует пути своей бабки, которая превзошла царицу Савскую, ища не человеческой, а Божьей мудрости. Киевский князь изображен древнерусским книжником противоположностью царя иерусалимского: Соломон начал с озарения мудростью, справедливого суда и строительства храма Божия, закончил развратом и служением идолам, Владимир повторил его путь в обратной последовательности. Главную роль в падении Соломона, по мнению автора Третьей книги Царств, сыграли его жены, которые склонили сердце царя к своим богам: «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок, из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: «не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам»; к ним прилепился Соломон любовью. И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены его сердце его (3 Цар. 11: 1–3). Как и в ситуации с Соломоном, женщина – византийская царевна Анна – сыграла ключевую роль в духовной жизни своего мужа, но на этот раз положительную. Для древнерусского книжника она несомненно является «женой доброй».

Показательно, что посмертная судьба Соломона была предметом богословских дискуссий в Византии. Житие Нифонта Константианского сообщает, что царственный женолюбец в итоге все-таки спасся благодаря милости Божией. Фраза о гибели Соломона, вероятно, заимствована летописцем из Хроники Георгия Амартола, в которой, однако, также говорится и о покаянии Соломона.

Менее заметным, чем параллель Владимир–Соломон, является сравнение князя Ярополка с Адонией. Как и ветхозаветный Адония, Ярополк – старший сын отца, к которому первоначально переходит власть. Ярополк получает от Святослава жену, пленную «грекиню», которая была отдана ему «красоты ради лица ея». Адония, уже потеряв власть, также претендует на бывшую наложницу своего отца, Ависагу Сунамитянку, и просит мать Соломона, Вирсавию, добиться у царя согласия на брак

с ней (3 Цар. 2: 16–18). Показательно, что Соломон крайне негативно реагирует на просьбу матери, усматривая в женитьбе соперника на Ависаге его претензии на власть: «зачем ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адонии? проси ему также и царства; ибо он мой старший брат, и ему священник Авиафар и Иоав, сын Саруин, [военачальник, друг]. (3 Цар. 1:22).

Летописный текст о возведении идолов в Киеве, женах и наложницах Владимира можно представить парафразом сообщения Третьей Книги Царств. Тем не менее, его нельзя считать вымыслом летописца, механически перенесшего ветхозаветные характеристики в повествование о Русской земле. Образы библейских героев и христианская фразеология являются внешним слоем текста, который, несомненно, сохранил в преображенном виде следы исторической реальности. В сознании современников Владимира власть правителя была неразрывно связана с его матримониальными узами. Младший из Святославичей женится для упрочения своей власти, которая возрастает от брака к браку. Захватив Рогнеду, он получает право на Полоцкое княжество; узурпировав власть в Киеве, отбирает жену брата для легитимизации своего положения; женившись на багрянородной Анне, возвышается над племенными князьями, становясь, по образному выражению Илариона, «каганом» Русской земли. Обладание женщиной символизирует политическое господство и является его неотъемлемым атрибутом. Возможно, именно этот архетип средневекового сознания поможет раскрыть загадку женолюбия Крестителя Руси.

Владимир и Иларион. Похвала Владимиру в составе «Слова» является древнейшим, к тому же сравнительно точно датированным памятником литературы, посвященным Крестителю Руси. Не подлежит сомнению её использование в сочинении Иакова и знакомство с ней составителя ПВЛ. Таким образом, выяснить, как Иларион представлял себе крещение Владимира, значит понять точку зрения одного из авторитетнейших современников.

Согласно основной идее автора, величие Владимира и его христианского подвига состоит, прежде всего, в самостоятельности выбора им православной веры, которую он постиг с помощью божественного озарения и силы собственного разума, но и не без воздействия византийского опыта: «приде на нь посечение Вышняго, призре на нь всемилостивое око благааго Бога и всия разум в сердци его... паче же слышано ему бе всегда о благоверьнии земли Греческе, христолюбиви же и сильне верою». Иларион не уточняет, каким образом князь узнал о «Греческой земле», но и в дальнейшем неизменно подчеркивает независимый, свободный выбор веры, что заставляет отказаться от соблазна видеть в вышеприведенных словах указание на какие-либо миссионерские контакты: «Како възиска Христа, како предася ему, повеждь нам, рабом твоим, повеждь, откуда ти

припахну воня Святаго Духа, откуда испи памяти будущая жизни сладкую чашу; откуда въкуси и виде, яко благ Господь: не видел еси Христа, не ходил еси по нем, како ученик его обретесе? Ини, видевше его, не вероваша, ты ж, не видев, верова... ты ж ни закона ни пророк почитав, Распятому поклонися... Како ти сердце разверзесе... не виде апостола пришедша в землю твою... видяще вся си бывающа от святых муж, не вероваша... ты же, о блаженниче, без всех сих притече к Христу, токмо от благааго смысла и остроумия разумев...». Отсюда проистекает логический вывод о равноправии Руси и её молодой Церкви среди других христианских государств (характерно наименование Владимира «подобником великааго Коньстантина»), обоснования её церковной и политической независимости от Римской империи.

А. Поппэ полагает, что уже Иларион, по почину Ярослава Владимировича, готовил канонизацию Крестителя Руси, которая не состоялась вследствие того, что иерарх недолго занимал кафедру. В дальнейшем память Владимира, как человека, еще не причисленного к лику святых, но почитаемого за заслуги перед Церковью, не исключено, отмечалась в форме заупокойной службы. Кажется, «Память и похвала Иакова» иллюстрирует пример как раз такого рода; для ее составителя креститель Руси все еще не святой, хотя, несомненно, и заслуживает такой чести.

Полемика о времени канонизации Владимира. *Terminus ante quem* рассматриваемого хронологического промежутка естественно определяется самым ранним из дошедших списков житий Владимира в Прологе первой половины XIII в. К XIII в. относится и древнейшая редакция службы Святому Владимиру. Непреложным доказательством почитания Владимира как святого служит сообщение Новгородской первой летописи о сооружении церкви его имени в 1311 г. *Terminus post quem* зависит от даты канонизации Владимира хотя бы как местного святого, – во всяком случае не ранее времени написания похвального слова Илариона. Для решения задачи придется углубиться в полуторазековую дискуссию ученых по этому вопросу.

Разнообразие существующих точек зрения можно свести к таким гипотетическим концепциям: канонизация в домонгольское время, преимущественно в XI в. – митрополит Макарий, Н. К. Никольский, Н. И. Серебрянский, В. О. Ключевский; канонизация не ранее 1240 г. (между 15. 07. и 6. 12. 1240 г., как произвольно полагал И. И. Малышевский, в 1240–1263 гг., по Е. Е. Голубинскому, во второй половине XIII в., согласно Г. П. Федотову и т. д.). Существуют и компромиссные решения вопроса. А. В. Поппэ считает, что канонизации как церковной процедуры так и не было произведено, а почитание Владимира усилилось в конце XIII – на

чале XIV в. По мнению А. В. Назаренко, включение имени Владимира в святцы происходит не раньше второй половины XIII в., хотя местное церковное почитание восходит к более раннему периоду. Труднообъяснимой выглядит попытка А. С. Хорошева поставить христианский акт канонизации в зависимость от языческого культа предков.

Аргументы сторонников ранней (в диапазоне второй половины XI–XII вв.) канонизации основываются на данных «Похвалы» Илариона и «Памяти и похвалы» Иакова, которые ясно говорят о почитании русскими людьми памяти крестителя («...твоа бо щедроты и милостыня и ныне в человецехъ поминаемы суть»; «...слышавъ от многихъ о благовернемъ князе Володимери... написахъ...»), кроме того, эпитет «святой» впервые прилагается к Владимиру уже в «Похвале и мучении святых мученик Бориса и Глеба» второй половины XII в., где автор-черниговец обращается к правнукам крестителя: «Какова имеите святого князя Владимира...».

Противоположная точка зрения основывается на указаниях житий и летописи о недостаточном воздаянии современников князю и на отсутствии чудотворений: «Не дивимся, възлюбленеи, аще чудес не творить по смерти...» («Память и похвала»); «Дивно же есть се: колико добра створил Русстеи земли, крестив ю, мы же, крестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью... Да аще быхомъ имели потыщание и мольбу приносили Богу за нь... прославил бы и» («Обычное житие»; практически то же в статье летописца под 1015 г.). К тому же имя Владимир в древнерусский период так и не стало крестильным. И. И. Малышевский и Е. Е. Голубинский обращали внимание на известие Лаврентьевской летописи (в Житии Александра Невского под 1263 г.) о Невской битве 15. 07. 1240, где летописец среди прочих святых, память которых праздновалась в этот день, называет и «святого князя Володимера, крестившаго Русскую землю». Однако в других источниках это упоминание отсутствует. Как видно, аргументация обеих сторон довольно шаткая.

Попытаемся предложить возможный вариант исчисления времени канонизации Владимира, исходя из: 1) анализа лексики источников и 2) обычной практики канонизации Византийской Церкви. Исходными точками при поиске будут служить даты: 1037–1050 гг. как наиболее вероятное время появления первого памятника литературы о Владимире – «Похвалы» в составе «Слова» Илариона и первая треть XIII в., когда уже, вероятно, существовало Проложное житие князя.

Итак, наиболее распространенные эпитеты и характеристики, применяющиеся к князю в древнейших памятниках («Похвале» Илариона, «Памяти...» Иакова, «Чтении...» Нестора, Повести временных лет): «блаженик» (Иларион), «блаженный» (Иаков, летописная статья 1015 года), «благо-

верный» (все три автора), «во владыках апостол» либо «апостол в князих» (Иларион, Иаков), подобник Константина (во всех источниках). Возникает вопрос о соотношении слов «блаженный» и «святой» в древнерусском языке. Мних Иаков, называя крестителя благоверным и блаженным, все же нигде не употребляет слова «святой», тогда как братьев Бориса и Глеба, канонизованных уже в третьей четверти XI в., он называет именно так. К тому же и «Память», и ПВЛ вместе с «Обычным житием» согласно говорят об отсутствии чудотворений, бывших одним из наиболее весомых аргументов при канонизации в Греческой и Русской Церкви. Е. Е. Голубинский считал, что только чудеса были основанием для канонизации в домонгольское время, а Г. П. Федотов привел *argumentum ex silentio*: в летописи нигде не говорится о торжествах по прославлению памяти Владимира с участием высшей светской и духовной власти.

Что же значило слово «блаженный» в языке той эпохи? Изучая древнейшие на Руси жития Борисоглебского цикла, можно заметить, что в ряде случаев слова «блаженный» и «святой» синонимичны (так, «Чтение...» Нестора в составе Сильвестровского сборника озаглавлено «Месяца иуля в 24. Чтение о житии и погублении блаженую страстотерпца Бориса и Глеба»; далее к ним равнозначно прилагаются эпитеты «блаженный» и «святой» – сомневаться в том, что оба брата-мученика были канонизированы уже в третьей четверти XI в. (если не раньше), не приходится. Синонимию терминов «блаженный» и «святой» заметил при анализе «Памяти и похвалы» и А. И. Соболевский. Протоиерей Г. Дьяченко сообщает, что словом «блаженный» Церковь в числе других называет и «сокровенных святых, работавших и угодивших Богу втайне», а также «тех святых, коих святость засвидетельствована не только славою собственных дел их... сколько доказана свидетельством других». По мнению чешских ученых, старославянское слово «блаженикъ» в ряде случаев означало святого.

Имелись ли какие-нибудь основания для причтения Владимира к лику святых, ведь чудес при его мощах не наблюдалось, а жизнь князя, соответственно описанию большинства источников, была далека от идеалов аскетизма и христианского воздержания? Анализ практики составления византийских синаксарей позволяет придти к положительному ответу. К XI в. Православная Церковь выработала специфические нормы канонизации и обоснования святости своих членов. Все святые в ней подразделялись на три группы: 1) святые *а ргоіг*, чей статус признавался на основании особых заслуг перед Церковью – ветхозаветные патриархи и пророки, новозаветные апостолы, святители в период до разделения Церквей, а также ряд светских правителей – императоров и императриц, признаваемых равноапостольными и благоверными; 2) мученики; 3) святые, святость которых

засвидетельствована дарами Св. Духа, в т. ч. чудотворениями. Г. П. Федотов отмечает, что древнерусские князья не могут сравниваться с василевсами Романии по причине особого положения последних как глав Церкви; на это можно возразить, что креститель Руси вследствие своего родства с правящим в Византии императорским домом имел более высокий статус во властной иерархии, чем «обычный» князь.

«Слово о законе и благодати» Илариона Киевского, давно и справедливо трактующееся как апология и прославление молодого русского христианства, может также считаться «заявкой на почитание князя Владимира». «Похвала кагану нашему Владимиру» в составе «Слова...» определенно говорит об усилиях его преемника, князя Ярослава Владимировича, по прославлению памяти отца («...какая ты чьсти Господь тамо сподобил и на земли не беспамятна оставил сыном твоим...»), хотя конкретные шаги, к сожалению, остались неизвестными. Поскольку общецерковной канонизации чаще всего предшествовала местная, и здесь почин обычно исходил от местного архиерея, наиболее вероятным временем этого акта представляется первая половина 50-х гг. XI в. (между 1051 и 1055 гг.), когда Киевскую митрополию возглавлял ставленник Ярослава Иларион, произведение которого, написанное раньше, имело целью прославить заслуги «...во владыках апостола». Практику церковного почитания Св. Владимира вместе со Св. Ольгой доказывает само существование «Памяти и похвалы», которая развеивала сомнения отрицающих святость Владимира (не отрицая многослойность памятника, присоединимся к мнению Н. И. Сребрянского о его составлении в сохранившемся виде уже в домонгольское время).

Весьма вероятно сосуществование почитания Св. Владимира с культом его сыновей, Бориса и Глеба. Упоминание о чтении Жития «...князя Володимира, в том есть и мучение Святою Бориса и Глеба» имеется в Студийском богослужебном уставе конца XII – начала XIII вв. Кроме того, в новгородской берестяной грамоте № 906 третьей четверти XI в., в перечне святых есть имя «отча Василья, и Бориса, и Глеба». Изображение Равноапостольного отца вместе с сыновьями-мучениками обычно в иконографической практике. Местнопочитаемые святые не всегда вносились в святцы. К началу XII в., когда, по-видимому, окончательно оформилась летописная легенда о крещении князя, вошедшая в ПВЛ, местное почитание еще не стало общепризнанным, что подтверждает фраза летописца «Дивно есть се колико добра створил Рускои земли, крестив ю, мы же, крестьяне суще, и (не) въздаем почестья противу оного възданию». Если учесть, что «Слово о князьях», называющее Владимира святым, согласное весомой аргументации П. В. Голубовского, было создано около 1175 г.,

а древнейший список Проложного жития восходит к домонгольскому протографу, представляется возможным утверждать, что канонизация князя произошла не позже первой половины XIII в. В XIII в. культ Святого крестителя уже несомненно существует, что доказывают и наличие церковной службы ему, и летописные упоминания.

Вместе с тем следует признать, что оформление церковного почитания не было одномоментным актом, здесь можно выделить несколько периодов: 1) середина XI–XII вв. – зарождение церковного почитания Владимира, первоначально вместе с сыновьями, Борисом и Глебом, создание первых похвальных слов и агиографических произведений («Слово о законе и благодати», «Память и похвала...» с «Древним житием» в её составе); 2) вторая половина XII – первая половина XIII вв. – выделение культа Владимира из состава Борисоглебского культа, написание службы Св. Владимиру и Проложного жития; 3) вторая половина XIII – XV вв. – дальнейшее развитие культа Святого, преимущественно на Севере и Северо-Востоке Руси, в Новгороде, княжествах Владимиро-Суздальском и Московском, появление храмов, носящих имя Крестителя Руси; 4) XVI–XVII вв. – усиление чествования и его окончательное оформление в Московской Руси, в ходе Макариевых соборов 1547–49 гг., где Владимир выступал в качестве Святого предка – патрона династии потомков Калиты, и в XVII в., на Украине, где усилиями Петра Могилы была открыта часть мощей князя при исследовании руин Десятинной церкви, а его культ во многом обрел национальный колорит.

Вместе с трансформацией образа князя в исторических и церковных текстах менялось и представление о его внешности, свидетельства о которой дают нумизматические источники и памятники иконографии. На монетах Владимир изображен с продолговатым лицом, тяжелой нижней челюстью, большим подбородком и длинными усами. Он одет в византийскую царскую одежду, с обручем на шее; на голове венец (обруч и навершие). Князь изображен сидящим на престоле, с крестом на длинном древке в правой руке. На миниатюрах XIV–XV вв. показан уже седобородый старец; на иконах изображался, как правило, с большим «воздвизальным» крестом в правой руке и мечом – символом воина. В рукописи XVIII в. сохранилась инструкция по иконописному изображению Владимира: «Подобием стар и сед, власы мало кудреваты, брада аки Иоанна Богослова, на главе венец царский; ризы камчатныя княжеские багряныя, исподняя камчатная лазоревая, на них травы золотыя; в руке меч в ножнах, а в другой – свиток, а в нем написано: «Боже, сотворивый небо и землю, призри на новопросвещенныя люди твоя, даждь им, Господи, увести Тебе, истиннаго Бога, и утверди их в правую веру».

ЛИТЕРАТУРА

- Агентьев К. К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Византинороссика. – 2005. – Т. 3.
- Васильев В. П. История канонизации русских святых // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1893. – Кн. 3 (166).
- Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви // Богословский вестник. – 1894. – Т. 2. – № 6; – Т. 3. – № 7; Т. 4. – № 10.
- Голубовский П. В. Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате // Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества. – 1899. – Т. 1. – Вып. 3.
- Грамота № 906 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramoty.ru/index.php?no=906&act=full&key=bb>
- Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. – М., 2007.
- Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д. И. Абрамович // Памятники древнерусской литературы. – Петроград, 1916. – Вып. 2.
- Зимин А. А. Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения. – 1963. – № 37.
- Иванов С. А. Спасти царя Соломона // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – 2008. – № 3.
- Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб., 1908. – Т. 2.
- Каргер М. К. К вопросу о саркофагах князя Владимира и Анны // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1940. – Вып. 7.
- Ключевский В. О. Источники русской истории // Сочинения в 9 тт. – М., 1989. – Т. 7. Специальные курсы.
- Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Л., 1926. – Т. 1.
- Макарий (Булгаков). История русской церкви. – СПб., 1857–1883. – Т. 1. – 1857.
- Мальшевский И. И. Когда и где впервые установлено празднование памяти Святого Владимира 15 июля? // Труды Киевской духовной академии. – 1882. – Т. 1. – С. 45–69.
- Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. – СПб., 2008.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. – М., 2001.
- Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). – СПб., 1906.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. – М.; Л., 1950.
- П. С. Чествование памяти Святого равноапостольного князя Владимира в Древней Руси, в южном и западном славянстве // Прибавление к церковным ведомостям. – 1888. – № 29.
- Петров Н. И. Древние изображения Святого Владимира // Труды Киевской духовной академии. – 1888. – Т. 2. – № 7.
- Петрухин В. Я. Владимир Святой и Соломон Премудрый. Грехи и добродетели в древнерусской традиции // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. статей. – М., 2000. – Вып. 5.

- Петрухин В. Я.* Успение Владимира Святославича и славянская традиция // Славяноведение. – 2015. – № 4.
- Поппэ А. В.* Владимир Святой. У истоков церковного прославления // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. – 2008. – Вып. 1.
- Поппэ А. В.* Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // Труды отдела древнерусской литературы. – 2003. – Т. 54.
- Поппэ А. В.* Князь Владимир как христианин // Русская литература. – 1995. – № 2.
- Поппэ А. В.* Становление почитания Владимира Великого // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. – М., 1990. – Ч. 2.
- Поппэ А. В.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. – К., 2011.
- Ричка В. М.* Володимир Святий в історичній пам'яті / В. М. Ричка. – К., 2012.
- Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1915. – Кн. 3.
- Славнитский М.* Канонизация Святого князя Владимира и службы ему по памяникам XIII–XVII вв. // Странник. – 1888. – Т. 2. – № 7.
- Словарь старославянского языка:* в 4-х тт. Репр. изд. – СПб, 2006. – Т. 1.
- Соболевский А. И.* «Память и похвала» князю Владимиру и «Сказание» о свв. Борисе и Глебе // Христианское чтение. – 1890. – № 5–6.
- Толочко П. П.* О месте и времени крещения и канонизации Владимира Святославича // Византийский временник. – 2011. – Т. 70.
- Толочко П. П.* Хрещення і канонізація Володимира (до 1020-ліття Хрещення Русі) // Київська старовина. – 2008. – № 1. – С. 9–21.
- Турилов А. А.* Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства) // Palaeobulgarica (Старобългаристика). – 1999. – Година 23. – № 1. – С. 14–34.
- Успенский Б. А.* Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? // Palaeoslavica. – 2002. – Т. 10. – № 2. – С. 271–281.
- Федотов Г. П.* Канонизация Святого Владимира // Владимирский сборник. В память 950-летия крещения Руси. 988–1938. – Белград, 1938.
- Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. – М., 1990.
- Филипповский Г. Ю.* Мотив движения христианских реликвий в динамике средневековой литературы и культуры Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – 2003. – № 4.
- Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). – М., 1986.
- Poppe A.* How the Conversion of Rus Was Understood in the Eleventh Century // Harvard Ukrainian Studies. – 1987. – Vol. 11. – № 3 / 4.
- Poppe A.* Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. – Warszawa, 1968.
- Poppe A.* The Sainthood of Vladimir the Great: Veneration in-the-Making // Poppe A. Christian Russia in the Making. – L., 2007.
- Vodoff V.* Pourguoi le prince Volodimer Svjatoslavič n'a-t-il pas ete canonise? // Harvard Ukrainian Studies. – Vol. 12/13. – 1988 / 1989.